

ИВ ПЛАССЕРО

ИДЕНТИЧНОСТЬ НАРОДОВ ЕВРОПЫ

Народы в опасности

Ив Плассеро

Идентичность народов Европы

«Нестор-История»

2016

УДК 314+316.3
ББК 60.54

Плассеро И.

Идентичность народов Европы / И. Плассеро — «Нестор-История», 2016 — (Народы в опасности)

ISBN 978-5-4469-1608-5

Ив Плассеро – доктор юридических наук (Институт политических наук, Париж), французский юрист и историк права, специалист по правам меньшинств Центральной и Восточной Европы, а также по истории этнокультурной ситуации и идентичности стран Балтии. Настоящая книга-эссе основывается на многолетних исследованиях автора и поднимает комплекс вопросов, связанных с подходами к идентичности современных европейских государств. Автор анализирует взаимоотношения между общеевропейской, национальной и региональной идентичностями и уделяет особое внимание проблемам этнических и лингвистических меньшинств, рассматривая правовые, исторические и культурные аспекты их положения во Франции и в других государствах Европы. Французское издание этой книги стало одним из ключевых трудов серии «Народы в опасности». Знакомя читателя со многообразием этнополитических ситуаций современной Европы, автор делится с ним размышлениями о судьбах европейского единства. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 314+316.3

ББК 60.54

ISBN 978-5-4469-1608-5

© Плассеро И., 2016
© Нестор-История, 2016

Содержание

Несколько слов от издателей серии «Народы в опасности»	7
Предисловие автора к русскому изданию	8
Благодарности	9
Введение	10
Глава I. Усреднение против дифференциации	12
Как рождаются и умирают европейские нации	13
Бунт идентичностей	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ив Плассеро

Идентичность народов Европы

Yves Plasseraud
L'identité des peuples d'Europe

© Ив Плассеро, 2016
© А. Пондопуло, перевод, 2019
© Издательство ARMELINE, Crozon, 2016
© Издательство «Нестор-История», оформление, 2019

* * *

Несколько слов от издателей серии «Народы в опасности»

Вероятно, народам нравится, когда им угрожают смертельные опасности, если же таковых нет, они себе их создают.

Жозеф Жубер (1754–1824)

Каково в начале третьего тысячелетия положение этнических и национальных меньшинств, населяющих нашу планету? Книги этой серии рассказывают самым разным читателям о малоизвестных народах, прежде всего о тех, самому существованию которых угрожает исчезновение. Речь идёт не только о физической гибели в прямом смысле этого слова. Гораздо чаще народы исчезают в результате ассимиляции. Коварная и скрытая от глаз ассимиляция идёт своим ходом и приводит к непоправимым последствиям. В итоге многим этносам угрожает самое страшное: они обречены на незаметное исчезновение на протяжении долгих веков.

Каждая книга этой серии посвящена одному из народов, представляющему собой меньшинство. Это самые разные народы, несхожие по численности, по их месту в государстве и политике, по той роли, которую они играют в хронике современных событий. Некоторые из них совсем близки к исчезновению. Численность их населения катастрофически падает. На наших глазах они превращаются в реликт и всё дальше уходят в область воспоминаний, оставляя нам на память лишь призрачную тень прошлой жизни: последний затихающий голос минувшего богатства и разнообразия человеческих обществ.

Говоря об исчезающих народах Европы, вспомним чангошей Румынии и Молдавии – о них была первая книга этой серии, и ливов Курляндии: увы, они безмолвно уходят, стираются с карты, и что мы знаем о них, что помним?

Потому что, как и цивилизации, народы тоже смертны, и, возможно, им даже труднее выжить. Вряд ли такие народы, «народы в опасности»¹, смогут долго сохранять свою идентичность в эпоху растущей урбанизации, всеобщей стандартизации образа жизни и образа мысли постиндустриальных обществ и всех преимуществ, которыми современная цивилизация обладает в глазах новых поколений.

Да, ход глобализации, стремительно ускорившийся в последнее десятилетие XX в., поставил под угрозу ряд меньшинств. Но парадоксальным образом одновременно пробудились и оживились чувства идентитарной принадлежности многих народов на разных континентах.

Первые тома нашей серии были посвящены Европе, но мы будем рассказывать и о других континентах. В свете вышесказанного мы также решили, что было бы интересно посвятить отдельную книгу проблеме идентичности на европейском континенте в целом, во всём её многообразии, взглянув на неё с разных сторон и как бы вводя читателя в круг тем, связанных с конкретными меньшинствами, о каждом из которых повествует одно из изданий этой серии.

Мы будем считать, что достигли цели, если наши книги хоть в малой степени защитят от забвения следы культурного разнообразия, богатство языков и этносов разных континентов, прежде чем их унесут волны истории.

Издательство «Армелин»

¹ Особняком стоят, например, курды: хотя в четырёх государствах они являются меньшинством (Турция, Ирак, Сирия, Иран), они скорее представляют собой «нацию без государства», чем меньшинство.

Предисловие автора к русскому изданию

Эта книга впервые была опубликована во Франции три года тому назад. С тех пор в Европе произошли заметные изменения.

Некоторые государства продолжали удаляться от либеральной модели, как это и предсказывал Владимир Путин, и к власти по меньшей мере в половине европейских государств пришли режимы популистского свойства: так случилось в Австрии и в Италии, традиционно считавшихся оплотом либеральной и единой Европы.

Эта эволюция, вызванная главным образом европейским «миграционным кризисом» и теми реальными или мнимыми угрозами своей идентичности, которые ощутили европейские государства, привела к глубокому разрыву между Востоком и Западом нашего континента. В результате стало более уязвимым само будущее европейской интеграции.

Тема идентичности снова заявила о себе: повсеместно возросла напряжённость в отношениях между европейскими государствами и народами. Прискорбный спор между Грецией и Македонией в связи с названием Македонии, а также трения между киприотами по поводу проектов федерации продемонстрировали, насколько глубоко европейские общества переживают вопросы идентичности, которые опять с новой силой выходят на передний план, как это уже было в прошлом.

Что касается движений в защиту прав меньшинств, большинство из них продолжало медленно терять силы. Некоторые – их были единицы – выступили за независимость, но потерпели провал. Тем временем национальные государства упрочили свой нынешний статус, как, например, Бельгия.

Наконец, европейцам пришлось столкнуться с новыми вызовами. Развитие тенденций, аналогичных брекситу, в самой Европе, политика Дональда Трампа в США, движимая беспрецедентным национальным эгоизмом и отступившая от традиционного многостороннего подхода Вашингтона, рост влияния китайской державы ставят перед жителями Европы новые задачи. Откликаясь на них, многие европейцы ощутили мощный подъём проевропейских чувств и рост настроений солидарности.

Ив Плассеро

Благодарности

Автор выражает благодарность всем, кто помогал ему в ходе работы над книгой. Их знания в вопросах о меньшинствах и территориях помогли ему уточнить и детализировать многие её положения.

Особые слова благодарности автор адресует Сильви Лемассон и Сюзан Пуршье-Плассеро за внимательное и тщательное прочтение всей книги. Их замечания оказались чрезвычайно ценными.

Тем не менее автор подчёркивает, что он высказывает сугубо личное мнение по всем затронутым вопросам.

Введение

Чувство национальной принадлежности и его производное – национализм – снова уверенно шествуют по Европе. Разбуженные глобализацией, долгим экономическим спадом и миграционной волной, они возвращаются к жизни после долгого сна. Радикальные правые силы, уже пришедшие к власти или только на подступах к ней, повсюду выступают под знаменем национализма. Повсеместно слышны призывы к «защите идентичности»: её понимают как сумму культурных и цивилизационных черт народа, существованию которых якобы угрожает вторжение инородцев.

Впрочем, эмоциональное отношение к вопросам идентичности переходит границы собственно политической сферы: о чём бы ни шла речь, от кулинарии до европейской обороны, эти темы снова и снова муссируют обозреватели и журналисты. В свою очередь интеллигенция, по меньшей мере та её часть, которую ещё не захлестнула волна «новой реакции» (по выражению французского эссеиста Даниеля Линденберга), клеймит идентичность позором и видит в ней причину всех наших зол. Так, эссеист Марчела Якуб писала 18 октября 2015 г. в газете *Либерасьон*: «Прогрессивная общественность должна осознать, что этой идее нет места в азбуке демократии».

Итак, этот вечный демон – коллективная идентичность, как писал философ Людвиг Витгенштейн, – в силу своей подвижной, а потому легко поддающейся манипуляциям природы, постепенно приживается в сознании европейцев. Где же истина между этими непримиримыми позициями, за каждой из которых стоит арсенал, казалось бы, убедительных аргументов? Если взглянуть на суть вопроса, не ограничиваясь расхожими поверхностными мнениями, нашему взору предстанет очень непростая картина.

Прежде всего, само время, его неравномерный ход напоминают нам о том, что, казалось бы, вполне очевидно. В отличие от утверждений религиозных фанатиков и суверенистов всех мастей, ни один индивид не может быть упрощён до одной-единственной этнической, религиозной или национальной составляющей (Андре Зигфрид в 1950 г. писал о «душе народов»). Как это хорошо показал в своей небольшой книге *«Идентичность и насилие»* индийский социолог и нобелевский лауреат Амартия Сен, мы все являемся выразителями множества идентичностей. Каждый человек одновременно женщина или мужчина, гомо- или гетеросексуальной ориентации, чревоугодник или аскет, левых или правых политических взглядов, верующий или атеист. Так же можно быть американцем и французом, сардом и итальянцем или католиком и шведом. Эти множественные идентичности создают уникальную личность, которую, к счастью, невозможно замкнуть в исключавшей всякую другую коллективной псевдопринадлежности.

В настоящей книге автор как раз намеревается обозначить границы понятий европейской(их) идентичности(ей), для того чтобы лучше понять, какой будет Европа завтрашнего дня.

Сначала речь пойдёт о генезисе феноменов национального самоутверждения. Затем мы рассмотрим, как в современных европейских обществах работает логика использования категорий идентичности и чем она опасна для сосуществования народов на нашем континенте. Попробуем яснее представить себе, как в Европе идёт строительство складывающихся национальных идентичностей (меньшинств, народов, борющихся за самоопределение, новых государств и т. д.). Мы заметим, что наиболее распространёнными являются три уровня идентичности, а именно: европейская, национальная и региональная. Наконец мы попробуем показать, что чувства идентичности, несмотря на их легковоспламеняющийся характер, обладают цен-

ным потенциалом для развития общества и помогают в выборе пути при решении проблем, которые возникают в современном мире.

Астурийский – официальный язык (плакат в Астурии, 2012 г.)

Бретонский – официальный язык (надпись на стене в торговом порту, г. Брест, Бретань, Франция, 2013 г.)

Глава I. Усреднение против дифференциации

Отметим, казалось бы, парадоксальный факт: для того, чтобы понять истоки и современную значимость движений, выступающих «в защиту идентичности» повсюду в мире и особенно на европейском континенте, следует задуматься о том, что такое «глобализация» (которую также называют *мондиализация*).

Как рождаются и умирают европейские нации

В мире одновременно действуют две противоположенные силы – об этом законе диалектики много писал философ и литературовед Мишель Серр. Первая, энтропия, стремится к единообразию форм и к сглаживанию всех различий. Вторая, наоборот, дифференцирует предметы, воссоздаёт различия и противодействует «усредняющему» действию энтропии. Рождение наций происходит в русле действия энтропии.

У истоков зарождения наций

У истоков любой нации лежит этнос, определяющие признаки которого (язык, символика...) ускоряют появление у группы коллективного сознания (этническое сознание, или этнический национализм). Эволюционируя в этом направлении, этническая группа постепенно превращается в нацию и, при наличии государственных структур, может со временем оформиться в государство².

Исходная этническая группа может занимать центральное положение и доминировать, и тогда мы говорим о создании национального государства, как в случае Германии. Также этнос может быть первоначально частью меньшинства, которое проявляет себя активнее, чем большинство, – по терминологии британского социолога Энтони Д. Смита, такую группу можно назвать «побочной». В Европе примером может быть Пьемонт, с которого началось объединение Италии; но чаще всего подобную ситуацию можно видеть в странах третьего мира: белые поселенцы в бывшей Южной Африке, алавиты в Сирии, яванцы в Индонезии... В этом случае мы говорим о возникновении государства-нации, внутренняя ситуация в котором может быть более сложной и нестабильной.

В зависимости от того, была ли нация прародителем государства, как в Германии, или же государство способствовало формированию нации (как во Франции), акцент будет смещён в сторону этнических, т. е. родовых, генеалогических ценностей – значение имеет прежде всего *этнос*³, – или же в сторону гражданских ценностей – имеется в виду гражданский национализм – и тогда значение имеет *демос* – его архетип сформулировал Жан-Жак Руссо в «*Проекте конституции для Корсики*» и в «*Размышлениях о правительстве Польши*»⁴.

Как бы то ни было, все нации проходят в процессе формирования через ряд переходных этапов, которые можно схематично обозначить следующим образом:

– Первая фаза соответствует этническому происхождению, и в ходе неё происходит объединение кланов, племён, деревенских общин в союзы культурного или политического характера. Позднее этот период будет связан с распространением мифов и мифических рассказов о происхождении, миграциях, об освобождении и о других значимых событиях: как, например, в Риме, легенда о Ромуле и Реме, или в контексте истории России, эпопея Киевской Руси.

– Второй период, который позже назовут «золотым веком», является временем этнической консолидации. Он отмечен появлением (реальным или мифическим) героев, святых, мудрецов, под руководством которых были одержаны военные победы и расцвела этническая

² Социолог Эдгар Морен, так же как де Голь, указывает на «французский вариант» развития нации, когда она, напротив, формируется под воздействием государства.

³ Ренан писал о смешении этнографии и нации, об «*этнонации*», считая её заблуждением.

⁴ «Именно образование должно придать душам национальную форму и, таким образом, направлять их взгляды и вкусы, чтобы они стали патриотами по естественной склонности, следуя страсти и потребности» [Rousseau. *Œuvres complètes*. Paris, Le Seuil, 1971. Т. III. P. 529].

культура. Прекрасные примеры этого периода мы находим в Израильском царстве Давида и Соломона и в Ирландии святого Патрика.

– Следующей фазе соответствует время зрелости, но также разделений и упадка. Тогда как правящие классы монополизировали доступ к привилегиям и берут под контроль военные силы и аппарат подавления, общественные формы застывают в своём развитии и препятствуют обновлению. Во Франции при старом режиме приходившая в упадок знать мечтала о временах варваров эпохи начала монархии, а в России конца XIX в. дворяне с удовольствием примеривали костюмы XV в.

– Четвёртая фаза соответствует появлению у элиты устремлённости к «национальному подъёму», к обновлению нации. Представители интеллигенции, «просветители» выстраивают на основе разрозненных элементов истории национальный исторический нарратив, очищенный от «вредных» иностранных влияний. Формулируя многообещающее будущее нации, её особый путь, её историческую миссию, нарратив «фильтрует» прошлое и изымает из национальной истории неприятные и как бы бесполезные эпизоды. К этому периоду относится частое создание апокрифов или обнаружение исторических свидетельств, которые оказываются ложными⁵.

– Пятому периоду соответствует современная нация: общественный интерес фокусируется на функционировании конституционной системы, на экономических проблемах, на вопросах порядка и общественных свобод. В таком обществе развивается тенденция к поиску юридического равенства между его различными составляющими. Отныне мы можем говорить о возникновении «нации широких масс» в современном смысле этого слова.

Сформировавшееся коллективное сознание нации включает в себя ряд основополагающих элементов, которые можно систематизировать следующим образом:

- чувство постоянной принадлежности к нации, которое разделяется по крайней мере частью рассматриваемой группы;
- убеждённость в своей отличности от других и в своём единстве, разделяемая частью рассматриваемой группы;
- чувство преемственности по отношению к предшествующим поколениям, связанное с наличием коллективной памяти и основанное на общих мифах, традициях, символах;
- чувство общей судьбы и предназначения, символизируемое наличием общих надежд и выраженным стремлением жить вместе.

Процесс структурирования государств

Мы рассмотрели классический путь генезиса государств; теперь взглянем на то, каков механизм их структурирования. Как известно, с течением времени в природе возникают многие новые виды животных и растений, но многие и исчезают. Человек, в частности в сфере культуры и политики, не является исключением из этого общего закона. Структурирование обществ идёт разными путями. С начала времён становление новых групп всегда происходило на руинах предшествовавших обществ. Для того, чтобы вписаться в более крупную общность, им приходилось жертвовать частью своих особенностей. Так происходит смена одних цивилизаций другими.

Cujus regio, ejus lingua (чья земля, того и язык)

⁵ Интересно, что «изобретение наций» часто было делом выдающихся мыслителей-провидцев, живших за пределами своей родины. Греческая пресса была создана в Вене, а в Одессе действовало тайное общество (*Philike Hetaria*), которое организовало антиосманское восстание 1814 г., в Греции развилась идея болгарской независимости, в Санкт-Петербурге оформилось латышское национальное сознание, а в Кёнигсберге – идеи литовской независимости и т. д.

С начала второго тысячелетия европейские правители, порой даже неосознанно, стремились тем не менее к созданию централизованных государств на контролируемых территориях. С точки зрения логики передачи власти по наследству, которой они руководствовались, было важно превратить подвластное им «заповедное поле» в целостную и управляемую территорию. В 1646 г., в результате трудных переговоров, два вестфальских договора о мире положили конец Тридцатилетней войне. Так впервые были обозначены отношения между государствами в соответствии с принципом уважения суверенитета каждого. Отныне каждый монарх признавался хозяином на своей территории. На латыни этот принцип звучит как *cujus regio, ejus religio*, т. е. *чья земля, того и вера*: выше мы перефразировали его в приложении к лингвистике. Помимо декларативного уровня, уровня дискурса – политического, свойственного эпохе абсолютных монархий, а затем патриотического, распространённого в XIX в., когда на арену вышли государства-нации, экономические предпосылки становятся позднее всё более заметным фоном национального строительства.

Как показал британский антрополог и философ Эрнест Геллнер в книге «*Нации и национализм*», строительство и объединение государства предполагает создание армии и наличие населения, способного платить налоги центральной власти. Для этого нужен не просто налаженный контроль за всей совокупностью территории, но обладание единой и централизованной суверенной властью. В этом плане промежуточные структуры и всевозможные партикулярные учреждения воспринимаются как потенциально вредные: враждебные тенденции ассоциируются для начала с представителями территориальных, региональных, провинциальных суверенитетов, а также свободных городов, церковных институтов, которые в своих собственных интересах энергично взимают подати и налоги. Классической иллюстрацией этих процессов является Франция.

Позднее интересы развития промышленности и торговли продиктовали необходимость унификации норм, единиц измерения, порядков в целях обеспечения рентабельности экономических операций в масштабах каждой страны. Создание рамок для внутренних экономических отношений внутри государства в сочетании с протекционизмом во внешней политике способствовало закреплению населения внутри государственных границ⁶.

Указанная линия на разрушение «идентичностей исходного порядка», которую уже на ранних стадиях своего существования стали проводить западноевропейские государства, была позднее взята на вооружение государствами Центральной и Восточной Европы, руководствовавшимися политикой государственного национализма⁷. Так, например, Венгрия, которая до этого несколько веков подряд сопротивлялась немецкому языку, борясь за право пользоваться венгерским, в конце XIX в. начала политику насильственной «мадьяризации» в отношении хорватов, словаков и румын. Кампания искоренения различий с особым усердием коснулась идентичностей и даже скорее разнообразных культурных проявлений «инаковости», особенно на уровне меньшинств. Поэтому ключевым инструментом строителей государств-наций является «политика конкретного языка»⁸, направленная на превращение языка власти в идиому всей страны. Несмотря на живейший подъём чувств идентичности в XIX и особенно в XX в., в последнее время описанные процессы энтропии, как кажется, почти достигли своей цели. За исключением так называемых «национальных» языков, как, например, немецкий, датский и

⁶ Например, Elias (Norbert). *La dynamique de l'Occident*. Paris, Edition Agora pocket, 2007.

⁷ В этой политике особенно преуспели некоторые правители, в частности в Великобритании и во Франции: на основе противопоставления различных групп они создали «единый народ». Другие, например Габсбурги, преуспели меньше, допустив в 1918 г. создание нескольких государств-преемников, каждое из которых предприняло волонтаристскую политику в целях *Nation Building*.

⁸ См. об этом: Certeau (Michel de), Julia (Dominique), Revel (Jacques). *Une politique de la langue*. Paris, Gallimard, 1975.

т. д., традиционные европейские языки так или иначе переживают плохие времена: их носители стареют, а их воля к жизни выдыхается⁹.

Франция является чемпионом в вопросах успешного искоренения местных языков: в её активе полное или частичное уничтожение по меньшей мере семи коренных языков и ещё большего числа диалектов. Можно ограничиться примером хотя бы окситанского языка, на котором ещё недавно говорило всё население юга Франции (напомним, что в XVII в. говоривший на французском языке великий драматург Расин, сосланный в Альби, жаловался, что местные жители не понимают его): в наши дни окситанский язык исчезает прямо у нас на глазах.

Погоня за единообразием

Склонность государств совершенствовать однородность общества, устраняя культурные различия в рамках контролируемой территории, долгое время рассматривалась как естественная и безобидная. По мере развития, со второй половины XIX в., национальных движений эта линия воспринимается меньшинствами как проявление в их отношении высокомерия или даже расизма.

Классический расизм, или расизм, представляющий собой форму нетерпимости к существованию другого, является давним феноменом. В Европе его жертвами издавна было чёрное население, евреи, выходцы из Магриба. Другой, т. е. тот, кто отличается от общности-референта по цвету, расе, языку, религии и т. д., исключается из полноценного участия в её жизни. В рамках колониальной политики в заморских территориях расизм функционировал как часть государственных механизмов. Увы, в наших современных обществах подобное отношение к человеку, которое в равной мере унижает и гонителя, и гонимого, всё более активно проявляет себя под разными личинами. Расизм стоит за отказом принимать в сообщество определённых индивидов (в частности, в плане доступа к рабочим местам); создавая гетто и препятствуя интеграции, он способствует нагнетанию напряжённости в отношениях между группами. Возникающие противоречия имеют скорее социальную, чем чисто культурную природу; они ещё больше увеличивают неравенство и провоцируют сегрегацию. Для тех, кто не похож на представителей главенствующей группы, единственным путём к признанию является ассимиляция или уподобление им (в причёске, одежде, языке).

Наряду с этой хорошо известной ситуацией в западных обществах встречается более лицемерная и одновременно менее заметная форма презрительного отношения к другому. Речь идёт о феномене, который в одной из наших предыдущих книг мы назвали «расизмом интеграции»¹⁰. В отличие от классического расиста, такой расист не проявляет открыто неприязни другого. Во имя «демократической» идеологии он просто отказывается признать и принять во внимание отличия, на которых настаивает его оппонент. Во Франции этот вид расизма особенно заметен. Якобинское государство впитало в свои структуры принципы равенства, основополагающие для французской нации, и на этом основании воспринимает своих граждан как взаимозаменяемых в культурном плане индивидов¹¹.

В свете этой установки различия между группами рассматриваются как пережитки: они должны исчезнуть под воздействием прогресса и модернизма, воплощением которых является республиканское государство. У региональных культур нет другого статуса кроме маргинального, а языки меньшинств безусловно заменит единый и неделимый «язык Республики». Перед лицом такого отношения властей, у защитников включённых в государство культурных групп

⁹ Некоторые языки окончательно исчезают, как, например, далматинский.

¹⁰ Plasseraud (Yves). *Une et indivisible?* Quimper, Nature et Bretagne, 1980.

¹¹ Об этом см.: Lebesque (Morvan). *Comment peut-on être breton? Essai sur la démocratie française.* Paris, Le Seuil, 1970.

мало аргументов, как раз в силу того, что они являются выразителями точки зрения меньшинств. Как добиться в Бретани всеобщего обучения бретонскому языку, на котором сегодня говорит всего лишь около 200 000 индивидов, тогда как в стране живут десятки миллионов других французских граждан, равнодушно относящихся к этому вопросу?

Современная глобализация

По окончании холодной войны и после исчезновения Советского Союза геополитическая обстановка на планете изменилась. Мир перестал быть монополярным (где Соединённые Штаты Америки играли роль единственной сверхдержавы) и вступил в эпоху транснациональных сетей, когда ряд мультинациональных компаний, обладающих самыми современными технологиями, контролируют львиную долю мировой экономики. Их цель состоит в оптимизации производственных затрат в разных географических точках производства. При опоре на разветвлённый и не имеющий территориальной привязки финансовый капитализм они имеют возможность глобального управления промышленными и финансовыми потоками. Краеугольным камнем этих сетей, находящихся в руках «глобального суперкласса»¹², являются информация и культура, т. е. те области, в которых Соединённые Штаты по-прежнему сохраняют мировое лидерство.

Для этих «суперструктур» мир представляет собой гигантские торговые ряды, где потребители, направляемые медиа, покупают и потребляют одни и те же вещи и продукты: покупают одинаковую одежду, едят одинаковые гамбургеры и смотрят одни и те же фильмы в любой точке земного шара. В этой перспективе национальные, таможенные, ценовые, социальные, нормативные и другие установления, естественно, выглядят как препятствия, которые следует ликвидировать с помощью «дерегламентации»¹³, используя которую мультинациональные компании попытались создать технически однородный рынок, т. е. нормализовать «полезный» мир в своих интересах.

Французский социолог Ален Турен справедливо назвал это разъединение экономических, социальных и культурных факторов, постепенно снимающее все преграды на пути свободно функционирующего рынка (возведённого в ранг великого регулятора), термином «демондернизация». В основе этих процессов лежит закат «модернистского» общества, в котором мы жили до середины 1980-х гг.: социальные рычаги для поддержки равновесия сочетались в нём с широкими жестами государства – гаранта социальных благ. В новом мировом порядке суверенитет государств – не помеха для деятельности мультинациональных компаний при условии отсутствия таможенных налогов. Создание единого рынка идёт рука об руку с негласной языковой политикой, которая продвигает упрощённый и скомканный вариант англо-американского языка, используемый в качестве всемирного *лингва франка*. Благодаря технологическому первенству Соединённых Штатов и мультинациональных компаний, живущих в симбиозе с американским государством, английский язык доминирует повсеместно. В соответствии с известным принципом «кто нарекает, тот и решает», Соединённые Штаты сохраняют приоритет в мировой экономике, хотя Китай всё больше и больше стремится их потеснить.

¹² Rothkopf (David). *Superclass. The Global Power Elite and the World they are making*. Londres, Farrar & Giroux Paperbacks, 2009. В русском переводе *Суперкласс. Те, кто правит миром*. АСТ, 2010.

¹³ По-английски *Deregulation*.

Бунт идентичностей

Безусловно, давняя эволюция в сторону размывания признаков культурного, лингвистического и социального разнообразия (процесс энтропии) не всегда проходила без сопротивления. Обращаясь к прошлому, мы видим примеры ожесточённой борьбы за сохранение особенностей социально-культурной принадлежности (войны, восстания, бунты, но также и переселение в Америку, в колонии...). Подобная общественная реакция обычно соответствует далеко зашедшим процессам разрушения идентичностей. Как если бы культуры – антрополог Луи Дюмон употребляет термин «коллективные индивидуальности» – проявляли особенно ярко всё своё своеобразие непосредственно перед уходом в небытие. В одной из предыдущих работ мы употребили по этому поводу сравнение с организмом, который при наступлении болезни активно вырабатывает антитела: в последнюю минуту «социальные антитела» изо всех сил мобилизуют отличительные признаки общности, пытаясь справиться с уравнивающим действием «прогресса»¹⁴.

«Национальное пробуждение» в Европе

Этот феномен, который иногда называют «протонационализмом» (как реакцию на уравнивание), начинается в тот период, когда, с приходом индустриальной эпохи¹⁵, процесс искоренения региональных особенностей становится особенно агрессивным. Действительно, национальный подъём конца XVIII в. в Шотландии, Германии и в Италии совпадает с началом индустриальной эпохи и развитием потогонного фабричного производства в Манчестере. Ряд европейских государств становятся независимыми в период между 1850 и 1918 гг.

Вопреки ожиданиям тех, кто предвидел появление в конце XIX в. единообразного общества, всё заметнее становились многочисленные движения «национального», автономистского, индипендантистского и ирредентистского толка. В 1970-е гг. с подъёмом подобных движений связывались большие надежды¹⁶. Но они не привели к конкретным результатам, и о них стали мало-помалу забывать. Но вот в конце XX в., после долгого затишья, просыпаются чувства идентичности, и «во имя защиты культурного своеобразия и права индивидов жить по-своему в родной среде энергично выступают силы, выражающие коллективные идентичности и противостоящие продвижению мондиализации и космополитизма»¹⁷.

Одним из интересных выводов этого периода может быть кажущийся парадокс: продвигается мондиализация и растёт связанная с ней взаимозависимость народов, и при этом множатся «дифференции», энергично провозглашаются различия. Действительно, национальная идентичность отнюдь не есть выражение имманентного коллективного «я», затаённого в недрах группы (как считает культурология); она – производное взаимодействия со всем окружающим миром, и благодаря этому взаимодействию человечество превращается в «мировую деревню»¹⁸.

¹⁴ Plasseraud (Yves). *Une et indivisible?* P. 95.

¹⁵ Tamfs (G. M.). *Les idoles de la tribu, l'essence morale du sentiment national*. Alcantère, 1991. P. 49.

¹⁶ См., например, Maugué (Pierre). *Contre l'État-nation*. Paris, Denoël, 1979.

¹⁷ Castells (Manuel). *Le pouvoir de l'identité*. Paris, Fayard, 1999. P. 12.

¹⁸ Cahen (Michel). *La nationalisation du monde. Europe, Afrique, l'identité dans la démocratie*. L'Harmattan, 1999.

Стремительный рост партикуляризов

Продолжая наше наблюдение за идентичностями (или коллективными личностями) в процессе становления, с присущим им обострённым чувством национализма, обратимся теперь к новым европейским обществам, возникшим в рамках государств, которые иногда называют «государствами прерывистого действия»¹⁹. В качестве примера возьмём особенно близкий нам регион Центральной и Восточной Европы.

Центральная Европа и её глубокие раны

Продолжая дело национального освобождения, до этого начатое в Испании, Греции, Пруссии и подготовленное немецкими философами-идеалистами и итогами наполеоновских войн, революции 1830, 1848 и 1918 гг. проложили путь к свободе ряду европейских народов.

В тридцатые годы, после потрясений Первой мировой войны, последовал резкий подъём националистических тенденций в разных странах (в частности, немецкого национализма), открывший дорогу Второй мировой войне. Советский режим, установленный по её итогам на значительной части нашего континента, вызвал разные формы сопротивления.

Когда в 1991 г. советский строй распался, реакцией на «свинцовые годы» обезличивающей политики стал повсеместный подъём проявлений национализма. Политический контекст бывшей «Восточной Европы» можно условно описать как противостояние двух традиций коллективной памяти: одной, сублимированной, но живой, связанной со многовековой историей, и другой, отмеченной свежим клеймом недавнего периода коммунизма. Оживая, старые противоречия сегодня приобретают особую остроту, поскольку чувства поражения и отчуждения, типичные для жителей этих территорий, создают почву для напряжённого переживания чувства идентичности (Косово, Сербия и т. д.). Национализмы меньшинств и особенно государственный национализм (в Греции, в России, в Сербии, в Турции) опять выходят на передний план и влекут за собой шлейф напряжённости и тягостных последствий²⁰.

В Румынии два миллиона мадьяр вынуждены переносить условия жизни, навязанные им государством, моделью которого является французская якобинская система. Со своей стороны румынский национализм с удовольствием обличает венгерское меньшинство, в котором он видит некую пятую колонну на службе венгерского государства, якобы вынашивающего планы по организации восстания и реванша. Отношения периодически накаляются под воздействием провокаций со стороны румынского ультранационалистического формирования *Noua Drapta* или венгерской националистической организации *Jobbik*.

В 1993 г. именно Словакия, национализм которой долгое время подавлялся, способствовала распаду государства, созданного политическими деятелями Бенешем и Масариком между двумя мировыми войнами. Дальше мы увидим, как сегодня некоторые словацкие националисты не гнушаются подчёркивать преемственность, связывающую их с клерикально-фашистским государством священника Йозефа Тисо. Можно привести и много других примеров зон потенциальных конфликтов в этом регионе.

При этом должны ли мы считать, как часто дают понять, что в Восточной Европе проявления идентичности всегда связаны с болезненными обострениями ненависти между этническими группами?²¹ Действительно, в восточной и западной частях континента есть существенная разница в том, как переживаются вопросы принадлежности меньшинств. На Западе

¹⁹ Zavadzki (Paul). «Le nationalisme contre la citoyenneté», in *L'année sociologique*, 1996. Vol. 46. No. 1. P. 175.

²⁰ Garton-Ash (Timothy). *La chaudière. Europe centrale 1980–1990*. Paris, Gallimard, 1990. P. 317.

²¹ Джон Пламенац видит в «восточном» национализме особый опасный феномен. См. Plamenatz (John). «Two types of Nationalism», in Kamenka (E., Ed.) *Nationalism, the Nature and Evolution of an Idea*, Londres, 1973.

борьба «за дело» басков или корсиканцев, несмотря на всю остроту проблемы, привлекает внимание лишь небольшой, непосредственно затронутой части населения. Напротив, когда в Венгрии речь идёт о Трансильвании, или в Греции о Кипре, почти всё население чувствует свою сопричастность. Заметим, что в западной части континента конфликты по поводу идентичности больше не являются выражением этнических конфликтов. Но, например, в Москве, где под влиянием нагнетания великорусского шовинизма²² провоцируются антикавказские чувства, направленные против «чёрных» (кавказцев), или антилатышские настроения, или в Афинах, где с презрением смотрят на албанцев и турок, можно говорить о том, что этнический «другой» олицетворяет фигуру наследственного врага. Мы ещё вернёмся к этому вопросу.

В наши дни напряжённость порой достигает максимума и приводит к серьёзной деградации ситуации.

Распад бывшей Югославии стал одной из самых зловещих иллюстраций националистических всплесков, порождённых столкновением цивилизаций в духе Сэмюэла Хантингтона (1927–2008). Расчленение Югославской федерации и последовавшие за ним «гражданские» войны начались в тот момент, когда хорваты и словенцы, чьи требования большей автономии (сформулированные ещё в 1919 г.) постоянно оставались без ответа, воспользовались ситуацией конца коммунистической системы и вплотную приступили к одностороннему выходу из федерации. Для практически моноэтничной Словении всё обошлось без больших потрясений. Но Хорватия, где проживает много этносов, оказалась в состоянии открытой войны с Сербией. Ненависть между двумя этнически близкими нациями явила миру ужасное подтверждение «синдрома малого отличия», описанного Леоном Поляковым.

В 1998 г. вялотекущая гражданская война в Косово, которая началась между АОК²³ и сербскими силами по вопросу о будущем статусе провинции, привела в действие механизм, об опасных военных последствиях которого предупреждали все компетентные наблюдатели. В 1999 г. вмешательство военно-воздушных сил НАТО превратило по существу локальную проблему в региональную катастрофу огромного масштаба²⁴. Не только между косовскими албанцами и сербами, но и между другими народами региона война оставила злые семена будущих раздоров, которые глубоко изменили идентичности затронутых общностей.

Подъём религиозного фундаментализма и фанатизма

В эпоху падения влияния мессианских идей коммунизма и упадка идеологии третьего мира мы видим, как опять набирают силу всевозможные религии, в частности православие и ислам.

Православие, религия и нация

Когда в начале 1990-х гг. разразился кризис в Македонии, западные обыватели с удивлением узнали о том, что в Греции национализм и религия идут, если можно так сказать, «ноздря в ноздрю». В связи с войной в Косово весной 1999 г. тот же феномен был обнаружен в Сербии и, безусловно, в России. Православные нации (они включают в себя 250 миллионов верующих) демонстрируют большую солидарность друг с другом. Как понять эту особенность, которая нам на Западе кажется такой необычной?

Напомним для начала, что православные балканские народы в XIX и XX вв. освободились от мусульманского ига. Православие было инструментом этого освобождения, кото-

²² Аннексия Крыма в 2014 г. показательна в этом отношении.

²³ Армия освобождения Косова.

²⁴ Переселение миллиона беженцев и тысячи погибших в результате бомбардировок или ставших жертвами массовых казней, проводившихся сербскими вооружёнными формированиями.

рое приобрело форму настоящей *реконкисты*. Тогда как, по общему мнению, в повседневной жизни обрядовая сторона религии соблюдается довольно мало, тем не менее сохраняется живая связь между религиозным чувством и национальной принадлежностью, и православие является основообразующим культурным элементом идентичности.

Эти идентичности, «независящие от памяти», воспринимаются как часть религиозного сакрального наследия, неизменного и существовавшего испокон веков (*ne varietur*), и которое, непременно в неизменном виде, должно быть передано новым поколениям. Так в Греции православная церковь, которая является настоящим государственным институтом, служит рупором национальных чувств, выражающих обеспокоенность по поводу европейской интеграции, наплыва беженцев... В России церковь также считает себя настоящим руководителем национального сознания (а может быть, даже всех православных христиан, проживающих на территории СНГ) и хранителем наследственных ценностей идентичности нации и её территории²⁵.

Сакрализация национально-православной идентичности (национальная душа) присутствует также в Сербии, где церковь, хранительница идентичности страны, позиционирует себя как опора «исторической территории нации».

Не будем забывать, что у народов, о которых идёт речь, не было такого феномена, как лаицизм, или светское государство французского типа, и сам принцип разделения церкви и государства здесь никогда не практиковался. Как и в странах ислама, национальный и религиозный фактор образуют здесь одно целое, создавая систему ментальности, в которой, по удачному выражению геополитика Франсуа Тю-аля, «религия освещает нацию, а нация защищает религию».

К сожалению, оборотной стороной медали является слабое развитие демократии. Как недавно писала белорусская писательница Светлана Алексеевич, лауреат нобелевской премии по литературе: «Русская православная церковь превратилась в орган власти и контроля, она воспитывает рабов»²⁶.

Глобализация исламского радикализма

Размах, с которым распространяется мусульманский интегрим, свидетельствует не столько о всплеске духовности, сколько о развитии идентитарных настроений (имитация национализма) в обществах, самоидентификация которых основана на религиозной принадлежности²⁷

²⁵ Франсуа Тюаль напоминает, что в 1992 г., в связи с региональными выступлениями, московский патриархат однозначно заявил о том, что он не признает новое расчленение национальной территории.

²⁶ *Le Monde*, 7.11.2015.

²⁷ Об этом см.: Barber (Benjamin). *Jihad vs. McWorld*. Ballantine Books, New York, 1996; Karam (Patrick). *Allah après Lénine*. Diderot, 1996.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.